

В редакции «Современника»

А.Я. Панаева

А.Я. Панаева (1819–1893) — литературный сотрудник журнала «Современник», писательница, гражданская жена Некрасова, которой он посвятил «Панаевский цикл» любовной лирики. Талантливый мемуарист, Панаева оставила едва ли не лучшие воспоминания о зарождении идеи журнала, отношениях между сотрудниками, борьбе редакции с цензурой, а главное, о Н. А. Некрасове — выдающемся издателе, талантливым журналисте, неординарном и сложном человеке.

...Мы засиделись почти до рассвета, ведя разговоры о новом журнале. Возник вопрос, у кого купить право, так как новых журналов в то время не разрешали издавать. Перебирали разные журналы, которые находились в летаргическом сне, но ни один не оказывался подходящим. Уже стали прощаться, чтобы идти спать, как вдруг Панаев воскликнул:

— Нашел! «Современник»!

Некрасов радостно сказал:

— Чего же лучше! как это сразу не пришел нам в голову «Современник»? — И снова затянулся разговор.

Право на «Современник» принадлежало Плетневу, с которым Панаев давно был знаком. Все так были возбуждены, что забыли о сне. Толстые вставали рано и нашли, что не стоит ложиться спать на каких-нибудь два часа, и потребовали чаю, так что солнце совсем взошло, когда мы стали расходиться. Некрасов, выйдя на террасу, сказал:

— Посмотрите, господа, как великолепно сегодня сияет солнце! После трех дней пасмурной погоды оно предсказывает успех нашему журналу.

Некрасов решил ехать скорее в Петербург, чтобы переговорить с Белинским и начать хлопоты по журналу. Толстые шутили над ним, уговаривая его остаться еще недельки на две, так как в конце августа была самая лучшая охота.

— До охоты ли мне теперь! — отвечал Некрасов, не поняв шутки. — Не знаю, как дожидаться того дня, как увижу первый номер «Современника»!

Панаеву же надо было дожидаться денег от продажи леса. Уезжая из деревни, Некрасов просил Панаева не засиживаться в Москве и не проболтаться о затеваемом деле.

Некрасов купил для «Современника» у Белинского все статьи, обещанные ему его московскими и петербургскими приятелями. За сотрудничество Белинского в «Современнике» была положена плата восемь тысяч рублей в год. Эта цифра сорок лет тому назад казалась баснословной. Сами друзья Белинского удивлялись щедрости издателей журнала, а один из них с жалостью говорил Панаеву:

— Это сумасшествие с твоей стороны — так швырять деньгами.

— Если хорошо пойдет журнал, — отвечал Панаев, — мы еще прибавим; мы сами литераторы, стыдно усчитывать сотрудников.

— Так я тебе предсказываю, что ты гроша не будешь иметь барыша от журнала, если так будешь роскошничать. И что это Некрасов смотрит? — он человек коммерческий. Нельзя, нельзя так вести денежные дела, будет банкротство журнала, помянете меня, да поздно будет, что не послушались моего благоразумного совета. Жаль, очень жаль тебя, любезнейший Панаев, — там, где люди наживают деньги, ты прогоришь!

Но за первую же статью, которую поместил в «Современнике» этот благородный советник, он потребовал прибавки за лист, говоря Некрасову:

— Если я отнесу мою статью в «Отечественные записки», мне с радостью еще дорожке дадут!

С появлением «Современника» быстро поднялась цена на литературный труд.

На другой же день после своего приезда — утром — Панаев отправился к Плетневу. Белинский, в ожидании возвращения Панаева домой, все время страшно волновался, и когда Панаев вернулся, то выскочил в переднюю с вопросом:

— Наш «Современник»?

— Наш, наш! — отвечал Панаев. Белинский радостно вздохнул.

— Уф! — воскликнул он, — я измучился... мне все казалось, что уже у нас его кто-нибудь переб...

Он не окончил фразы.

Сильный приступ кашля стал душить его. Он весь побагровел от натуги и махнул рукой Панаеву, который начал было передавать Некрасову свой разговор с Плетневым. После этих приступов кашля Белинский всегда долго не мог отдышаться и с передышкой произнес:

— Ну... теперь рассказывайте.

Белинский возмутился, что Плетнев выговаривал себе четыре тысячи в год за право и едва согласился на три.

— Нелепое запрещение издавать новые журналы развивает в литературе ростовщичество, но что поделаешь! Надо, господа, соглашаться — пусть его подавится этими тремя тысячами!

Страшным ударом для Белинского было, когда в цензурном комитете нашли, что Панаев и Некрасов не настолько благонадежные люди, чтобы их можно было утвердить редакторами. О редакторстве Белинского нечего было и думать, потому что «Северная пчела» уже несколько лет постоянно печатно твердила о зловредном направлении его статей; беспрестанно писались куда следует доносы, с указанием на статьи, в которых он будто бы проповедует безбожие, безнравственность и глумится над патриархальными чувствами русских и т. д.

Надо было приискать подходящего человека, которому разрешили бы редактировать «Современник». Обратились к Никитенке, он согласился. Белинский кипятился, что прибавится еще новый тысячный расход на фиктивного редактора, но делать было нечего.

Понятно, что слухи о намерении Некрасова и Панаева издавать «Современник» породили толки в разных литературных кружках. Сначала многие не верили, но потом стали смеяться, говоря, что ничего дельного не выйдет из планов Некрасова и Панаева. Белинскому передавали эти сплетни, и он говорил: «Пусть их смеются и не верят, а как мы им преподнесем первый номер «Современника», так позеленеют от злости». Белинский письменно отказался от сотрудничества в «Отечественных записках», но это была только одна формальность, потому что все знали, что он будет сотрудничать в «Современнике». Некрасов велел печатать объявления об издании «Современника» в громадном числе; они помещались почти во всех тогдашних журналах и газетах. Панаев находил, что это стоит очень дорого и вовсе не нужно, но Белинский ему возразил:

— Нам с вами нечего учить Некрасова; ну, что мы смыслим! мы младенцы в коммерческом расчете: сумели бы мы с вами устроить такой кредит в типографии и с бумажными фабрикантами, как он? Нам рубль не дали бы кредиту, а он устроил так, что на тысячи может кредитоваться. Нам уж в хозяйственную часть нечего и соваться.

Такая масса объявлений об издании «Современника» дала повод литературным врагам глумиться печатно над издателями. Говорили, например, что они апраксинские молодцы, которые с нахальством тащат в свою лавку всякого проходящего и расхваливают свой товар и т. д. <...>

<...> Я слышала от самого Некрасова, как он бедствовал некоторое время в начале своего пребывания в Петербурге.

Он с юмором передавал, как с неделю прожил в пустой комнате, потому что его квартирная хозяйка, желая выжить своего жильца, в его отсутствие вынесла всю убогую

мебель из комнаты, и Некрасов спал на голом полу, подложив пальто под голову, а когда писал, то растягивался на полу, уставая стоять на коленях и у подоконника.

На моих глазах произошло почти сказочное превращение в наружной обстановке и жизни Некрасова.

Конечно, многие завидовали Некрасову, что у подъезда его квартиры по вечерам стояли блестящие экипажи очень важных особ; его ужинами восхищались богачи-гастрономы; сам Некрасов бросал тысячи на свои прихоти, выписывал из Англии ружья и охотничьих собак; но если бы кто-нибудь видел, как он по двое суток лежал у себя в кабинете в страшной хандре, твердя в нервном раздражении, что ему все опротивело в жизни, а главное — он сам себе противен, то, конечно, не завидовал бы ему...

В хандре он злился на меня за то, что я уговаривала его изменить свой образ жизни, который доставлял ему по временам такие мучительные страдания; я припоминала ему, что, несмотря на все лишения прежней своей жизни, он не испытывал такого убийственного настроения духа. Некрасов находил, что я будто бы нарочно усиливаю своими разговорами его и без того ужасное настроение:

— Чем бы развлечь человека, а вы его добиваете.

— Развлекателей у вас развелось с тех пор много, как вы сделали капиталистом, — отвечала я.

Некрасов раздражительно прерывал меня:

— Я не так глуп, чтобы не видеть перемены в отношениях к себе людей, начиная с невежд и кончая образованными.

Потом уже я поняла, что в самом деле глупо возбуждать подобные вопросы, когда от них не могло быть иного результата, кроме неприятного впечатления, остающегося после таких разговоров.

Стихотворение «У парадного подъезда» было написано Некрасовым, когда он находился в хандре. Он лежал тогда целый день на диване, почти ничего не ел и никого не принимал к себе.

Накануне того дня, как было написано это стихотворение, я заметила Некрасову, что давно уже не было его стихотворений в «Современнике».

— У меня нет желания писать стихи для того, чтобы прочесть двум-трем лицам и спрятать их в ящик письменного стола... Да и такая пустота в голове: никакой мысли подходящей нет, чтобы написать что-нибудь.

На другое утро я встала рано и, подойдя к окну, заинтересовалась крестьянами, сидевшими на ступеньках лестницы парадного подъезда в доме, где жил министр государственных имуществ.

Была глубокая осень, утро было холодное и дождливое. По всем вероятностям, крестьяне желали подать какое-нибудь прошение и спозаранку явились к дому. Швейцар, выметая лестницу, прогнал их; они укрылись за выступом подъезда и переминались с ноги на ногу, прижавшись у стены и промокая на дожде.

Я пошла к Некрасову и рассказала ему о виденной мною сцене. Он подошел к окну в тот момент, когда дворники дома и городской гнали крестьян прочь, толкая их в спину. Некрасов сжал губы и нервно пощипывал усы; потом быстро отошел от окна и улегся опять на диване. Часа через два он прочел мне стихотворение «У парадного подъезда».

Некрасов писал прозу, сидя за письменным столом и даже лежа на диване; стихи же он сочинял, большею частью, прохаживаясь по комнате, и вслух произносил их; когда он оканчивал все стихотворение, то записывал его на первом попавшемся под руку лоскутке бумаги.

Он делал мало поправок в своих стихах. Если он сочинял длинное стихотворение, то по целым часам ходил по комнате и все вслух однообразным голосом произносил стихи; для отдыха он ложился на диван, но не умолкал; потом снова вставал и продолжал ходить по комнате. Некрасов мог прочесть наизусть любое из своих стихотворений, когда

бы то ни было сочиненных. Как бы оно ни было длинно, он не останавливался ни на одной строфе, точно читал по рукописи. Впрочем, он помнил наизусть массу стихотворений и других русских поэтов.

А.Н. Пыпин

Александр Николаевич Пыпин (1833–1904) — известный историк литературы, профессор Петербургского университета, академик. Начал печататься в «Современнике» с 1854 и вскоре стал одним из его постоянных сотрудников. Очень любил поэзию Некрасова и писал о нем: «...подлинный поэт, его поэтическая мысль всегда своеобразна, лишена всякой трафаретности».

<...> При первом знакомстве с кружком редакции «Современника» я уже достаточно знал принадлежащих к нему лиц по их литературным трудам и репутации; уже вперед этот кружок имел для меня самый живой интерес. Действительно, здесь собрались самые лучшие силы тогдашней литературы — притом не в случайной встрече по журнальным делам (как это бывало в редакции «Отечественных записок»), а в сознательном единении, которое внушалось общими взглядами и задачами, средством художественного вкуса и взаимной оценкой, — и это единение переходило в дружеские отношения; многих (как, например, Тургенева, Григоровича, Анненкова, Боткина) связывало дружество еще со времен Белинского. В литературном отношении «Современник», без сомнения, был лучшим журналом того времени. Здесь начинались и продолжались «Записки охотника» Тургенева, оставшиеся самым замечательным его произведением; помещались повести Григоровича (другие второстепенные вещи его, как «Проселочные дороги» и т.п., помещались в «Отечественных записках»), здесь появлялись произведения Гончарова, Дружинина, художественно-критические статьи В. Боткина; в дружеских отношениях с редакцией был П.В. Анненков; далее, Евг. П. Ковалевский, В.П. Гаевский, братья Жемчужниковы и т. д. Нет сомнения, что писатель, которого можно было справедливо назвать писателем-художником, должен был гораздо больше тяготеть к редакции «Современника», чем к «Отечественным запискам». В последних для такого писателя был только один материальный вопрос — вопрос напечатания повести, романа и т. д. и гонорар; здесь, напротив, он мог быть уверен в интересе целого кружка к самому произведению, его художественному значению и общественному смыслу; в случае успеха он мог ожидать искреннего сочувствия, а также и критики, внушаемой опытным вкусом, — того и другого жаждет писатель-художник, серьезно относящийся к своему труду. Эти отношения чувствовались и впоследствии, когда я ближе видал редакцию «Современника» и убеждался, что это было действительно так.

Кроме названных лиц, здесь встречались и другие известные писатели того времени: бывал Писемский, Я.П. Полонский; ни тот, ни другой не были, сколько припоминаю, частными посетителями; позднее, едва ли не после известных статей Добролюбова, бывал А.Н. Островский.

Характеры лиц были довольно разнообразны; но в целом это был, без сомнения, лучший литературный круг того времени. В самом деле, в этом кругу в известной степени чувствовалось превосходство над обычною массой тогдашней литературы. И это не было лишено основания: за этим кругом стояло славное предание Белинского и сороковых годов; высокая степень дарований, литературного вкуса и опыта. К этому чувству превосходства присоединилось, вероятно, и некоторое, уже не зависевшее от литературы, барство. Кружок мог напоминать слова г-жи Сталь, что в России несколько «gentil-hommes»¹ занимается литературой¹. Большею частью это были люди именно дворянского

---

¹ Джентльменов (франц.).

круга, с еще привычными тогда его чертами; последние принимались и другими, у которых дворянское барство заменялось барством купеческим, как, например, у В.П. Боткина.

Самым сильным по таланту и самым крупным по литературному значению (до Л.Н. Толстого) в этом кругу был, несомненно, Тургенев; по уму и общественному пониманию едва ли не превосходил всех Некрасов. Некоторые особенности этих двух характеров бросились мне в глаза, когда я увидел их обоих, придя в первый раз к Некрасову. Некрасов заговорил просто, прямо о деле; обо мне он знал раньше. С Тургеневым у меня дел никаких не было; мое имя он знал и был любезен, но с некоторым, правда, едва заметным тоном покровительства, — быть может, такой тон казался ему естественным относительно молодого человека, впервые вступавшего в литературную жизнь. Эта черта известного, хотя и прикрываемого, высокомерия иных прямо раздражала.<...>

Н.Г. Чернышевский

Н.Г. Чернышевский (1828–1889) теснейшими узами связан с жизненной и творческой биографией Некрасова. С 1853 года он начинает печататься в «Современнике» и во многом в дальнейшем определяет направление журнала. В 1856 году, отправляясь за границу, Некрасов оставляет именно его полномочным редактором журнала. Воспоминания о поэте были написаны в 1883 году.

<...> По выходе из Педагогического института Добролюбов поселился на квартире, сырой и производившей неприятное впечатление своими мрачными стенами, штукатурка которых была старая, полуобвалившаяся, потускневшая, загрязненная. Меблировка (от хозяев) была очень скудная и дрянная, так что первая комната, служившая приемной, представляла вид амбара почти пустого. Мне не раз и не два случалось бывать у Добролюбова, но из моих посещений не выходило, разумеется, никакого результата для улучшения его житейской обстановки. Как только вздумалось Некрасову побывать у него, она изменилась. Некрасов приехал от него прямо ко мне и начал разговор прямо словами: «Я сейчас был у Добролюбова, я не воображал, как он живет. Так жить нельзя. Надобно приискать ему другую квартиру». За этим началом следовало продолжение, переполненное упреками мне за мою беззаботность о Добролюбове. «Положим, вы сами не умеете ни за что взяться, но хоть сказали бы вы мне». Особенно много огорчала Некрасова сырость квартиры Добролюбова. Он говорил, что при слабости здоровья Добролюбов может сильно пострадать, если останется в такой обстановке. Вернувшись домой, Некрасов тотчас же поручил брату (Федору Алексеевичу) разыскивать квартиру для Добролюбова. Дал такое же поручение и своему слуге Василию. Когда я зашел к Некрасову, часа через два, через три после того, как он был у меня, он говорил уже о том, что затруднений с устройством сносной жизни для Добролюбова будет гораздо больше, нежели я могу воображать. Приискать порядочную квартиру и меблировать ее, разумеется, нетрудно, но это еще ничего не значит. Надобно устроить, чтобы у него и обед был хороший. Как быть с этим? Обедать каждый день в ресторане это скучно да некогда Добролюбову. Надобно приискать какого-нибудь добросовестного слугу, умеющего хорошо готовить. Это нелегко. Но как-нибудь устроится и это. Я ушел. Когда пришел к Некрасову на следующий день утром, услышал от него, что дело уладилось удобнее, чем можно было надеяться.

Панаев и Некрасов жили тогда уже на той квартире в доме Краевского, которую продолжали занимать столько лет потом. По черной лестнице этой квартиры, в том же этаже, было помещение из двух комнат с передней. Не умею теперь припомнить, были ли жильцы в этой небольшой квартире или она стояла пустая. Но так или иначе она была

---

¹ Фет, отчасти примыкавший к этому кругу, с некоторой гордостью утверждал, что тогдашняя литература была «дворянская» — он скорбел, что потому в эту литературу вошли «разночинцы», а из прежних деятелей многие изменили «дворянским интересам» (во время освобождения крестьян). (Прим. А. Н. Пытина.)

в запущенном состоянии. Слуга Некрасова, поискавши квартир по городу, вспомнил об этой и сказал Некрасову. Ее тотчас же начали поправлять¹, и дня через два или три Некрасов уже мог переселить туда Добролюбова.

Поселившись тут, Добролюбов не имел своего особенного обеда; он обедал у Панаевых, вместе с которыми обедал Некрасов. А в те дни, когда Некрасов обедал особо от Панаевых на своей половине, Добролюбов обедал, как ему когда лучше нравилось, или с Некрасовым, или с Панаевым. Изредка ему случалась надобность обедать на своей квартире. Это бывало, например, когда у него гостил кто-нибудь из его приятелей, служивших в провинции и приезжавших побывать в Петербурге, если этому приятелю не хотелось обедать у Панаевых; или когда Добролюбову было досуг оторваться надолго от работы на время обеда (обед у Панаевых был, разумеется, неторопливый; по окончании его обедавшие пили чай и долго оставались вместе). В таких случаях Добролюбову приносили обед от Панаевых. Пил чай вечером он очень часто на своей квартире или потому, что не хотел отрываться от работы, или потому, что у него был кто-нибудь. Но утром он обыкновенно приходил пить чай к Некрасову и, если имел досуг, оставался тут и завтракать. Вообще он проводил в комнатах Некрасова очень много времени, утром почти каждый день и вечером часто. Тут они вместе читали рукописи, просматривали корректуры, говорили о делах журнала; так что довольно большую долю своей работы по редактированию журнала Добролюбов исполнял в комнатах Некрасова.

Тургенев до своей ссоры с Некрасовым, когда жил в Петербурге, заезжал к Некрасову утром каждый день без исключения и проводил у него все время до поры, когда отправлялся делать свои великосветские визиты; с визитов обыкновенно возвращался опять к Некрасову; уезжал и опять приезжал к нему, очень часто оставался у Некрасова до обеда и обедал вместе с ним; в этих случаях просиживал у Некрасова после обеда до той поры, когда отправлялся в театр, или, если не ехал в театр, просиживал до поздней поры отправляться на великосветские вечера. Каждый раз, когда заезжал к Некрасову, он оставался тут все время, какое имел свободным от своих разъездов по аристократическим знакомым. Положительно, он жил больше у Некрасова, чем у себя дома. Таким образом, Тургеневу и Добролюбову приходилось бывать вместе у Некрасова много времени каждый день...

<...> Раз в неделю у Некрасова бывали обеды, которые можно назвать редакционными. На них собирались литераторы, сотрудничеством которых дорожил журнал. Кроме них, постоянно бывал приглашаем цензор; бывали и кое-кто из числа светских людей, пользовавшихся любовью в кругу литераторов. Очень часто бывал Языков, которого так любил Белинский. Когда жили в Петербурге, часто бывали тут Лихачевы, родственники и друзья Панаевых, бывал Арапетов.

Выбор других людей, чуждых литературной деятельности, приглашенных раз навсегда бывать на этих обедах, был такой строгий с точки зрения их способности не уронить себя в глазах литераторов, что, например, ни один из однофамильцев Ив. Ив. Панаева никогда не бывал приглашаем на эти собрания. (Бедняжка цензор, конечно, играл тут, сам того не замечая, жалкую роль, и обыкновенно единственным усладителем его одиночества приятными разговорами являлся я; в исполнении этой роли и состоял для меня мотив бывать на этих обедах.) После обеда гости оставались тут, до какой поры кому было удобно. Первыми уезжавшими обыкновенно бывали те, которые отправлялись на этот вечер в театр. Другие, кому был досуг, оставались гораздо дольше.

И вот, после одного из таких обедов, когда общество расположилось, как кому удобнее, на турецком диване и другой уютной мебели, Некрасов пригласил всех выслушать чтение драмы Мея «Псковитянка», которую Тургенев предлагал ему напечатать в «Совре-

¹ Если были на ней жильцы, то, разумеется, люди очень небогатые, и с радостью передали Некрасову квартиру, получив от него вознаграждение за согласие переселиться из нее. Кажется, именно так и было: квартира была куплена у прежних жильцов.

меннике»; Тургенев хочет прочесть ее. Все собрались в ту часть залы, где расположился на диване Тургенев. Один я остался там, где сидел, очень далеко от дивана, по соседству с тем камином, на котором стоял кабан. (Камин был в дальнем от окон углу стены, противоположной дивану.) Началось чтение. Прочитав первый акт, Тургенев остановился и спросил свою аудиторию, все ли разделяют его мнение, что драма Мея — высокое художественное произведение. Разумеется, по одному первому акту еще нельзя вполне оценить ее, но уже и в нем достаточно обнаруживается сильный талант и т. д., и т. д. Кто считал себя имеющим голос в решении таких вопросов, принялись хвалить первый акт и высказывать предвидение, что в целом драма окажется действительно высоким художественным произведением. Некрасов сказал, что предоставляет себе слушать, что будут говорить другие. Люди, не считавшие себя достаточно авторитетными для значительных ролей в литературном ареопаге, выражали свое сочувствие компетентной оценке скромным и кратким одобрением. Когда говор стал утихать, я сказал с своего места: «Иван Сергеевич, это скучная и совершенно бездарная вещь, печатать ее в “Современнике” не стоит». Тургенев стал защищать высказанное им прежде мнение, я разбирал его аргументы, так поговорили мы несколько минут. Он свернул и спрятал рукопись, сказав, что не будет продолжать чтение. Тем дело и кончилось. Не помню, каким языком вел я спор. По всей вероятности, безобидным для Тургенева. О нем положительно помню, что он спорил со мною очень учтиво. Но понятно, что ему должно было быть очень досадно это маленькое приключение, разыгравшееся на глазах почти всех тех его литературных приятелей, которые жили в то время в Петербурге. Вообще, при моем вступлении в «Современник» Тургенев имел большое влияние по вопросам о том, какие стихотворения, повести или романы заслуживают быть напечатанными. Я почти вовсе не участвовал в редактировании этого отдела журнала, но было же много разговоров у Некрасова со мною и о поэтах и беллетристах. Находя в моих мнениях о них больше согласного с его собственными, чем во мнениях Тургенева, Некрасов, по всей вероятности, стал держаться тверже прежнего против рекомендации плохим романам или повестям со стороны Тургенева. А когда сблизился с Некрасовым Добролюбов, мнения Тургенева быстро перестали быть авторитетными для Некрасова. Потерять влияние на «Современник» не могло не быть неприятно Тургеневу.

И.А. Панаев

Ипполит Александрович Панаев (1822–1901), двоюродный брат И.И. Панаева, инженер по образованию, обладал прекрасным литературным дарованием и напечатал в «Современнике» несколько беллетристических произведений. Честный, энергичный, трудолюбивый, он свыше 10 лет заведовал в журнале хозяйственными и денежными делами. Воспоминания о Некрасове написаны были в 1878 году и имели говорящее название.

С Николаем Алексеевичем Некрасовым я, пишущий эти строки, был знаком более тридцати лет. Многих, еще при жизни его, занимал вопрос: таков ли Некрасов в действительности, каким можно было предполагать его, судя о нем по его сочинениям? В обществе часто заводили разговор об этом, и многие, зная мое близкое знакомство с ним, обращались и обращаются ко мне с подобными вопросами. После смерти Николая Алексеевича вопросы не прекращаются, и раз даже один преподаватель словесности говорил мне, что ему весьма важно иметь настоящее понятие о личности Некрасова, потому что он (преподаватель) находился часто в затруднении отвечать что-либо с уверенностью на постоянные вопросы своих учеников о нравственных качествах народного поэта.

Я хорошо знал Некрасова и никогда не сомневался в добрых и достойных уважения качествах его сердца. Поэтому вопросы о нем, в которых порою звучала как бы нота иронии и проглядывало некоторое злорадство, задевали меня за живое. На него возводили

множество небылиц и распускали про него немало самых возмутительных клевет. Отвечать на вопросы я никак не мог хладнокровно. Каждому спрашивающему я объяснял подробно всю нелепость ходивших слухов и, в подтверждение моих уверений, вызывался представить доказательства, — а что я мог это сделать, читающий эти строки увидит из того, что будет изложено ниже.

Прежде, нежели буду говорить о некоторых частностях, которые играли немалую роль в составлении об Николае Алексеевиче мнений, — скажу несколько слов о том, каким человеком вообще я сам разумел Некрасова.

Для публики важно знать: существовало ли противоречие между всем прекрасным и добрым, наполнявшим его произведения, и нравственными качествами того, кто так хорошо выражал это прекрасное и доброе? Существовал ли разлад между добрым чувством, выраженным прекрасным стихом, и чувством, живущим в сердце поэта?

На это я твердо и не колеблясь отвечу: никакого разлада не было. Некрасов по своим нравственным качествам не противоречил вовсе тому образу, который рисовался воображением многих не знавших его почитателей его таланта.

Это был человек мягкий, добрый, независтливый, щедрый, гостеприимный и совершенно простой; но достаточную твердость характера он не обладал. Обстоятельства сложились так, что ему почти всю жизнь пришлось проводить в полуофициальных кружках. Это не была его естественная среда, а потому в ней он не мог чувствовать себя свободным: внутренние движения были связаны, женированы¹; сердце — сжато. Вследствие этого, несмотря на врожденные мягкость, снисходительность и простосердечие, — внешние приемы казались иногда сухими, угловатыми и от них как бы веяло холодом.

Смолоду он был чрезвычайно застенчив в обществе, и сам сознавался в этом, сказав:

На ногах словно гири железные,
Как свинцом налита голова,
Странно руки торчат бесполезные,
На губах замирают слова.

Улыбнись — непроторная, жесткая,
Не в улыбку улыбка моя,
Пошутить захочу — шутка плоская:
Покраснею мучительно я!

С годами таковая застенчивость стала выражаться (говоря его же словами) «*маскою наружного холода*» и тем, что называется: *mauvais humeur*². Недостаток этот, то есть эти *mauvais humeur*, развиваются у людей, вступающих в хлопотливое, спешное дело и обязанных болтать, когда не хочется говорить, — видеть многих, когда желаешь видеть только близких или когда даже не хочешь никого видеть, и, приходя к Некрасову в такие недобрые минуты, я, бывало, сижу несколько времени у него молча. И он молчит, лежа читая или дремля... А потом вскоре... снег растает и растает непременно... Чувствовать обиду, как бы наносимую холодностью приема, тому, кто знал характер Некрасова, было невозможно.

Но не все были ему близки, а потому нет ничего удивительного, что многие судили о нем, как о человеке неприветливом и холодном.

Не знали многие и того, что Николай Алексеевич никогда не пользовался полным здоровьем и долго думал о себе так, как когда-то выразился:

Цветут, растут колосья наливные,
А я чуть жив!

¹ Женировать (*франц.*) — стеснять, затруднять или беспокоить, причинять неудобство. (*Словарь Даля.*)

² Дурное настроение (*франц.*).

Нервы его были сильно расшатаны и раздражены; особые обстоятельства его грустной молодости, известные его близким, не могли не отзываться на настроении его духа, и правдив был поэт, говоря:

Но рано надо мной отяготели узы
Другой, неласковой и нелюбимой музы.

Да, повторяю еще раз: это, в сущности, был самый простой человек, человек с настоящей примитивной русской натурой, — веселый и грустный, способный увлекаться и весельем и горем до чрезмерности, не рассчитывающий на завтрашний день и живущий этим русским: «Авось!», на которое мы часто негодуем, но в глубокий смысл никогда не вникаем.

Жизнь полуофициальная, жизнь в Петербурге была его искусственной жизнью... Истинная натура его проявлялась при другой обстановке — проявлялась в кругу близких, простых, невысокоумных людей, в кругу людей, ничего от него не ожидающих и не состоящих с ним в каких бы то ни было делах. Летом он обыкновенно уезжал в деревню. Там он уходил из дома иногда на несколько дней охотиться с своими друзьями крестьянами-охотниками, проводя дни и ночи с ними и ночуя по разным деревням, в избах своих приятелей-крестьян. Вот в этой-то среде, — я уверен, — он, как говорится, был в своей тарелке, — веселый, свободный, не женированный и бодрый. Я видал его по возвращении из таких странствований по лесам и болотам, продолжавшихся несколько дней, довольного, свежего, в самом хорошем расположении духа. Вспомним посвящение его «Коробейников» другу-приятелю *Гавриле Яковлевичу (крестьянину деревни Шоды, Костромской губернии)*:

Как с тобою я похаживал
По болотинам вдвоем,
Ты меня почасту спрашивал:
Что строчишь карандашом?

Житейская обстановка Некрасова должна была бы устроиться подобно простой и увлекательной обстановке другого народного певца, именно — Беранже: кружок близких приятелей, сельская природа и отсутствие всяких непосредственно касающихся его, смущающих интересов и дел. Беранже имел характер устроить так свою жизнь; у Некрасова характера на это не хватало, и он поплатился за это чувством постоянного стеснения в течение своей полуофициальной жизни, живя в противоречии с своими настоящими сердечными потребностями и вкусами.

Вопросы посторонних лиц о нравственной личности Некрасова скоро сводили и сводят на вопросы об отношениях (то есть денежных отношениях) его с другими литераторами, участвовавшими в издаваемых им журналах.

Если кто-либо усомнится в компетентности моего суда о характере Некрасова вообще, то уже в ответе на последние вопросы усомнившийся должен будет признать вполне мою компетентность, когда узнает, что в период существования журнала «Современник», издаваемого Н.А. Некрасовым совместно с двоюродным братом моим Иваном Ивановичем Панаевым, я в течение десяти лет заведовал хозяйственной частью журнала, и при жизни Ивана Панаева, и после его смерти.

Все распоряжения по расчетам с сотрудниками мне были известны, и уплата производилась через мои руки. До сих пор у меня целы приходо-расходные книги с расчетами и расписки получателей. Сохранял я это все для того, чтобы иметь, на всякий случай, доказательство для опровержения взводимых на Некрасова клевет. Я мог бы заговорить ранее, и при его жизни, и много раз хотел это сделать, но Николай Алексеевич не допускал меня привести в исполнение мои намерения, говоря, что можно сделать это когда-нибудь, после, тогда, когда его не будет.

И в этом случае он думал так, как и написал:

Что ты, сердце мое, расходилося?..
Постыдись! Уж про нас не впервой
Снежным комом прошла-прокатилася
Клевета по Руси, по родной.
Не тужи! Пусть растет, пусть катается,
Не тужи! Как умрем,
Кто-нибудь и об нас проболтается
Добрым словом!

Замечание мое о том, что я могу умереть прежде его, Николай Алексеевич оставлял обыкновенно без ответа и оканчивал какою-нибудь добродушною шуткой.

В памяти моей (могущей, впрочем, всегда быть проверенной упоминаемыми выше книгами) осталось ясным, что расчеты с участвующими в «Современнике» постоянными и случайными сотрудниками по распоряжениям и желаниям как Николая Алексеевича, так и И.И. Панаева, производились самым широким образом, — производились так широко и нерасчетливо, что для текущих и необходимых расходов по изданию не раз встречались затруднения, вынуждавшие прибегать к займам. Затруднения отстранялись также иногда только благодаря субсидиям, даваемым Некрасовым из своих собственных денег, полученных им из источников, посторонних журналу...

При этом надо заметить, что и Некрасов, и И.И. Панаев в денежном отношении пользовались выгодами, доставляемыми журналом, весьма умеренно, и иногда получали менее, чем их постоянные сотрудники. Не говоря уже о последних, несколько литераторов, едва вступивших на литературное поприще, кроме значительной полистной платы, получали ежемесячное содержание, что, по мнению Некрасова и И.И. Панаева, было необходимо для того, чтобы поддержать начинающих и дать возможность развиваться замечаемым в них признакам таланта. Без всякого соображения с финансовым состоянием журнала многим деньги выдавались вперед, в счет будущих работ, — на неопределенное время. На замечания мои, что деньги расходуются несвоевременно и ставят издание в затруднение, — Некрасов часто говорил, что если денег у журнала не хватит, то для необходимых потребностей издания он даст свои собственные деньги, что неоднократно и делал...